

ПОЛЕЗНОЕ СЛОВО – УСПЕШНОСТЬ

Сергей Владиславович Вершинин, *заведующий Информационным центром Ульяновского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, кандидат технических наук*

Среди прочих неурядиц реформы привычными стали жалобы, что с нашим языком что-то происходит — неправильное, непонятное. Зачем, например, появляются новые слова, менее информативные, чем привычные? Почему значения привычных слов расплываются до неопределённости? А главное, почему всё это радостно подхватывается? Как языковое недоразумение моментально закрепляется в качестве норматива?

Разрушение языка

Направлений разрушения языка множество. Берутся, например, узкоспециальные слова без попытки понять, что они значат по принципу: красивое слово — *канализация: кластерный подход* к образованию; *апробация* системы *многовекторной* подготовки *сетевых* учителей; *программное обеспечение* курса (а аппаратное обеспечение у вас какое?). *Дорожная карта* вместо плана звучит не просто нелепо, а просто ни с чем не сообразно. А попробуйте сказать онкологу, что вы формируете у ребёнка *новообразование*. Да и *диссеминация* — из той же области.

Пример полного размытия смысла — слово *проект*: теперь это и домашнее задание школьника, и дипломная работа, и поп-концерт, и «национальный проект». Забавная проговорка — дальше проекта дело и не идёт...

Общая несурязица становится благоприятной почвой и для произрастания локальных педагогических «инноваций»: «оказывает

влияние на регуляцию функционально-энергетической стороны мотивации»; «в ходе практических исследований я вывела формулу электронного учебника»; «экология — это всё самое прекрасное, самое возвышенное в нашей жизни»; «приглашаем принять участие во II Международной конференции "Новая педагогика — основа экосистемы образования XXI века"»; «камень, как пример наисильнейшей кристаллизации духа до состояния плотной материи, является самым «тихим», ненавязчивым пульсаром жизненной энергии. Творческая духовность как бы взлетает над кристаллизирующейся материей, уходящей постепенно в небытие, утверждая, тем не менее, жизнь и бессмертие духовное».

У Ильфа и Петрова есть хорошее определение состояния бюрократической системы на этапе исчерпания ресурсов её развития: «На последнем этапе первоначальная задача совершенно исчезает и остаётся только запальчивое визгливое лопотание».

Параллельно с этим лопотанием идут интенсивные языковые баталии с поисками тончайших терминологических нюансов (вовсе не только в радиопередачах о чистоте русского языка). Что же мы создаём в школе: новации или инновации?

Да ни то, ни другое! Разница между этими понятиями намного меньше, чем разница между любым из них и тем, что вы создаёте в школе. Как правильно: *компетенции или компетентности?* Как будто эти слова существуют в природе отдельно от человека, и в данном случае важно не содержание, а словарное значение, а авторы этих нововведений употребляют слова исключительно в их точном смысле.

Портфолио — итальянский правильнее французского? *Печа куча* — вот уж чистое преобладание формы над содержанием. А использовать слово *учитель* — вообще означает работать по-старому. Новой эпохе учителя не нужны! Вместо них в школах — *тьюторы, тьютеры, тренеры, коучеры, фасилитаторы.*

Понятно, что существуют определённые тенденции в изменении языка. Понятно, что в отсутствии реальных достижений бюрократический аппарат производит имитацию достижений. Да и грамотность в ходе реформы съехала не у одних выпускников. Но только этим объяснить происходящее уже нельзя. Как нельзя исправить ситуацию передачами про русский язык. Слишком планомерны и систематичны эти изменения, и слишком высококвалифицированная и масштабная работа проводится по их внедрению.

Медиабезопасность

Возможность такой работы появилась с развитием средств массовой информации. Технологии современных СМИ позволяют создавать информационный поток такой мощности, что он вытесняет реальность, подменяет её реальностью виртуальной. Вспомните: «Мы делаем новости!» — они даже и не скрывают этого. Информация СМИ — это односторонний поток, зависящий не от реальности, а от его создателей, поэтому и управлять им гораздо легче, чем управлять реальностью. Управлять — вплоть до того, что можно убедить человека, что он думает не то, что он думает, а совсем другое.

«Народное образование» уже обращалось к теме медианасилия и медиабезопасности. Исследователи единодушно отмечают деструктивное влияние пропаганды насилия в средствах массовой информации. Предлагаются средства

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

защиты от этого влияния, в первую очередь — через развитие защитной функции критического мышления.

Однако разрушительное воздействие не обязательно проявляется в явной форме насилия, существенно сильнее действует насилие скрытое, неосознаваемое. Для борьбы с ним, прежде всего, требуется осознать его существование, потом понять, какими средствами пользуется «противник» и что с этим можно делать.

Слова в такой работе — очень важный инструмент. Каждое слово в языке основывается на целом комплексе мировоззренческих представлений. Новояз стремится подменить многие базовые представления, но сделать это косвенно, не говоря о подмене в явном виде. Так, слово *убийца* вызывает образ небритого алкоголика с топором, а *киллер* — прямо-таки работник героической профессии, благородный специалист. Через замену слова и само убийство становится, по крайней мере, нейтральным действием — «это же просто работа».

Часто языковые нововведения подменяют содержание слова эмоциями, оценочностью. Назвав совещание *форумом*, как-то сразу начинаешь чувствовать своё значение. А если вместо *кладовщик* представиться *главный логист*, можно произвести сильное впечатление на девушку.

Слова-амёбы

Размывается смысловое поле слова. При этом могут вводиться новые бесформенные слова, а могут расширяться и значения существующих. Такие слова называются амёбами: они аморфны, прозрачны, их значения расплывчаты и неопределённые, их можно вставлять практически в любой контекст. Они настолько не связаны с реальной жизнью, что их семантическое поле может

включать даже взаимно исключаютые понятия. Они пожирают старые слова и запутывают наше представление о мире. Подобные слова не имеют корней в языке, а пришли к нам в готовом виде.

Существенный признак слов-амёб — их кажущаяся научность. Попробуйте честно сказать, что можно получить на уроке, цель которого заявлена как «Формирование у учащихся духовно-нравственных ценностей в процессе работы над речевыми компетенциями». А за представленной формулировкой прямо-таки ощущается весь авторитет педагогической науки (и околопедагогических чиновников в придачу). Заполнение языка словами-амебами в своё время было одной из форм колонизации собственных народов буржуазным обществом.

Конечной целью такой деятельности становится язык, на котором просто невозможно говорить на «неудобные» для хозяев темы, поскольку в нём отсутствуют понятия для их обозначения. Именно отсюда возникла толерантность, политкорректность и прочие плюрализмы (не *иллюха*, а *путана*). Именно поэтому такие слова, как *амбициозный*, *честолюбивый* — традиционно имеющие негативную оценку, стали употребляться в похвальном смысле.

Главная сила такого оружия — в его неосознаваемости. В то же время, осознавая используемые против тебя средства, можно использовать их не только для восстановления конкретных понятий, но и для обучения правильному мышлению и противодействию манипуляционному приёмам.

Успешный выпускник

Рассмотрим такую работу на примере. В массиве новояза к нам пришло словосочетание *успешный выпускник*. В моральном отношении это явление из того же разряда, что и ставший невежливым вопрос о зарплате: появление таких слов связано с необходимостью размыть представления о правильной жизни.

Понятие успешности стало настолько популярным, что уже непонятно, как без него обходились раньше. Соответственно, одним из направлений работы школы стала подготовка «успешников».

В первом приближении успешность — это деньги и слава. Во втором — карьера. Стоит обратить внимание, что речь идёт не о работе, а именно о карьере. Карьеризм — слово ругательное, поэтому пришлось над ним поработать. Как и над словом *честолюбие*, которое тоже не просто так начинает терять свой отрицательный оттенок. Для успешности неважно, чем ты занимаешься и как это делаешь. Успешность от морали освобождена. Моральные ценности принципиально объявлены пережитком тоталитаризма.

Успешны те, кто оттеснил других от кормушки. Не так важно, хватает у этой кормушки мест на один процент популяции или на десять. Важнее, что на всех не хватит никогда — по определению, как бы людей ни готовили к грызне за эти проценты. Успешность существует только за счёт других. Успешны те, кто захватил лучшие места.

Недавний пример, пока ещё вызвавший скандал, — определение успешности выпускников вузов. «При составлении этого рейтинга эксперты агентства «РейтОР» собирали информацию о первом высшем образовании представителей элиты государственного управления, бизнес-элиты и академической элиты России. По каждому вузу было подсчитано число представителей каждой из элитных групп, получивших в нём первое высшее образование»¹.

Школа тоже задаётся вопросом, что же такое успешность: «Модуль 1. «Успешный ученик». Какими ключевыми компетенциями должен обладать выпускник школы, чтобы достичь успешности в жизни?»

¹ Агентство «РейтОР» определило лучшие вузы Москвы — www.strf.ru/organization.aspx—CatalogId=221&d_no=17403.

Что представляет собой модель выпускника нашей школы?»». Ответ обычно весьма расплывчат, но интуитивно ощущается. Второй показатель успешного человека — везение, удача. Возьмётесь ли вы воспитывать удачливость? Даже если совсем не будете лениться? Впрочем... Ведь найдутся и те, кто возьмётся. И снова пойдут радостные рапорты, что за полугодие от применения интерактивной доски удача в 7-б возросла на 23%. В виртуальном мире реформы возможно всё.

Лузер

Для понимания места везения в мировоззрении стоит обратиться к его антониму, пришедшему к нам в то же время и из того же источника. Речь идёт о слове «лузер» — его даже не стали русифицировать, оставив американизмом. *Losер* означает проигравший, по употреблению — неудачник. Если ты не делаешь деньги — большие деньги, — ты лузер. Не делаешь карьеру — лузер. Тебя обманули — ты лузер! В сегодняшнем новоязе это одно из самых оскорбительных слов. Если в кино кого-то назвали лузером, тот сразу краснеет, бледнеет и начинает изо всех сил оправдываться, доказывая, что это случайность, и он ни в коем случае не лузер. Хотя нет никакой вины человека в том, что ему не повезло.

В русской культуре отношение к неудачнику — сочувственное. Слово «неудачник» никоим образом не ругательное. Человеку, которому не повезло, положено помочь, хотя бы пожалеть его, утешить. Он же не виноват, что ему не везёт. Откуда же уничижительность слова «лузер»? Каким образом слово «неудачник» превращается в ругательное? Для такого восприятия опять-таки требуется глубинное изменение в мировоззрении, в базовых ценностях личности.

И такое изменение действительно происходит. Для нас ироническими шаблонами стали выражения вроде «деньги правят миром» или «общество наживы». Но согласно протестантской этике Макса Вебера люди делятся на избранных и отверженных, а знаком избранности являются... деньги. То есть буквально — чем больше денег у человека, тем более он угоден Богу. Это деление задано до рождения человека и не может быть изменено его уси-

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

лиями. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему..., а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню». Соответственно, богатые — это правильные, хорошие люди, а бедные — плохие, чьё существование — недоразумение.

Автоматически убивать лишних должен рынок. Об этом, не стесняясь, сказал политэконом Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Неписанный закон

В традиционном обществе, в отличие от современного западного, всегда есть общие этические ценности, признаваемые всеми членами общества. Во многом такое общество живёт, опираясь на «неписанный закон». Либералы называют это тоталитаризмом. Западное общество стало нечувствительным к потрясениям в сфере идеалов как раз потому, что смогло заменить иррациональные ценности рациональной ценой, очистив отношения людей от внерациональных сил. Общество стало равнодушным к проблеме признания социального порядка справедливым или несправедливым, исключив критерий справедливости из процесса легитимации общественного строя.

Это произошло не сразу и потребовало создания антропологической модели, включающей несколько мифов. Концепция индивида, свободного от мира и других индивидов — «сферического индивида в вакууме», — возникла с ньютоновской картиной мира. Она основывалась на метафоре механиче-

ского атома. Необходимо было обосновать социальное неравенство Запада — так возник социал-дарвинизм, переносящий принцип борьбы за существование из животного мира в общество людей. Он придаёт неравенству видимость «естественного» закона. Моральные ценности мешают этой «естественности», поэтому капиталистическое общество стремится избавиться от морали, лишить человека ориентиров, уравнивать норму и патологию. Социал-дарвинизм, а потом генетика биологизировали человека, представляя его животным, борющимся за существование. Конкуренция при этом выступала механизмом естественного отбора. Не должно быть ни государства, ни общины, ни любви, ни ответственности — должна быть сплошная конкуренция индивидов-одиночек. А религиозное оправдание рыночной экономике дал кальвинизм, в котором люди изначально разделены на избранных и отверженных.

Характерно, что при всём отрицании моральных ценностей западным обществом, без деления на «хороший — плохой» обойтись не удаётся и ему, хотя делается это замаскировано: «успешный — лузер». Или даже в более общем виде: «Если ты такой умный, то почему ты не богатый?»

Модель представления о человеке

О загадочной русской душе говорят часто, но мало кто может хоть что-то связно сказать про эту загадочность. В немалой степени это связано с тем, что в России не было выработано чёткой модели представления о человеке. Однако существовало принимающее разные формы представление о человеке как соборной личности. В соответствии с ним людей связывает любовь к ближнему, добрые дела, которые мы делаем другим. Достоевский писал, что наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов её населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть. Возможно, это чрезмерно

восторженная оценка русскому типу человеческих отношений. Но нам сейчас важнее не сама оценка, а фиксация различия представлений об идеальных отношениях людей.

Вот современное восклицание на ту же тему: «Посмотрите, как подобраны в начале произведения — Мумми-тролли, синие человечки — ни о чём, развлекательное чтение. В моём детстве в каждом произведении ставилась морально-этическая проблема, была заложена какая-то идея. Нынче другие идеи — я и только я. Даже научный термин Минобр. ввёл в стандарты (ФГОС) — «лично-ориентированный подход». Хорошо, что учителя не догадываются, о чём это — воспитание эгоиста, в противовес традиционному коллективизму и общинности. С одиночкой легко справиться, коллективизм буржуям не нужен»².

Интересно, что сама эта модель человека настолько глубинная и неосознаваемая, что попытки в дидактических целях сформулировать её нередко приводят к конфузу. В мультфильме «38 попугаев» авторы добросовестно пытаются объяснить, почему нужно помогать другим. В конце концов, мартышку посещает озарение: «Я поняла! Если ты кому-нибудь чего-нибудь дашь, то и тебе кто-нибудь чего-нибудь даст!». На самом деле ничего она не поняла, а просто повторила принцип товарообмена: «Я — тебе, ты — мне». Общественная ценность помощи другим состоит не в том, что в ответ мне будет лучше, а в том, что нам вместе будет лучше.

Расширение сознания

Сотрудничество продуктивнее и полезнее соперничества. Для такого понимания нужно воспринимать не только интересы «свободного и независимого» индивида, но и интересы окружающих. Можно сказать, что требуется то самое «расширение сознания».

² *Игнатюк Лилия.* — www.odnako.org/blogs/o-sovremennom-zaprete-na-vozpitanie-i-ideologiyu/comments

ния». Только расширяется оно не на «астральный план», а включает других людей, другие группы и общество в целом — когда человек действует, учитывая интересы его референтных групп.

Успешному человеку расширенное сознание противопоказано — всех других он должен побеждать. Собственно говоря, сознание «успешника» сужается — до такой степени, что мотивы остальных людей ему становятся просто непонятными.

Вот характерный отзыв о фильме «Легенда № 17». «Непонятно только, ради чего хоккеисты так надрываются, так изнуряют себя тренировками, ведь у них же не было таких денежных призов, как сейчас. Поэтому в фильме они выглядят неубедительными!».

Да, живёт и такой вариант: «В компьютерные игры играют лузеры, которые не могут реализовать себя в реальной жизни!». Бывают такие, но ведь эту конструкцию можно перенести на всё, что угодно. Кто читает художественную литературу? — Те, кто сами ничего не могут! Занимается спортом? Наукой? Летает в космос? «Вестимо, от хорошего житья не полетишь...»... Так можно сказать про любого человека, которому чего-то не хватает в жизни, который к чему-то стремится, про любого человека, не удовлетворённого личным корытом, который не хочет делать деньги.

Итак:

Итак, успешный выпускник — это богоизбранный везунчик, беспринципный эгоцентрист, борец за свои права, который оттеснит у кормушки «лузерское» большинство. Его основная способность/умение/талант — оттеснить других. Это вовсе не означает, что, оттеснив их, он выполнит их работу лучше, что он-то и окажется лучшим специалистом на этом месте. Это вообще не означает, что он хороший специалист, хороший человек. Это узкоспециализированная способность — прорываться к кормушке, к тому же она тянет за собой букет негативных человеческих качеств.

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Нужно ли такие качества формировать целенаправленно? Обществу от них пользы нет. Хорошо ещё, что учителя пока понимают эту задачу по-своему, очень «расширительно».

Но изменения в языке своё дело делают — незаметно и эффективно. Обратите внимание, например, на распространённость ещё одного американизма: «Это же просто работа — ничего личного!». Сказал, и подлость сразу перестаёт быть подлостью, как будто вообще человек может что-то делать без личного отношения к тому, что делает. Уже и производные пошли: «Он же не просто так обманывает, он за это деньги получает». Это вполне сходит за оправдание. А ведь любой вор ворует не просто так, а ради денег.

На Западе индивидуализм и конкуренция могли некоторое время выживать за счёт разграбления колоний и благоприятных условий жизни. У России колоний нет и не было, климат и география для жизни куда менее располагающие, и существовать она может только как солидарное общество, а не как общество всеобщей конкуренции. По мере отрезвления от перестроечного энтузиазма в обществе нарастает потребность осмысления — где же мы оказались, и что же нам нужно.

А когда понадобились правильные результаты, стоит пользоваться правильными словами. Вряд ли этому поможет воспитание успешности. Зато понять, чему оно помогает, зачем и кому — полезно не только в качестве учебной задачи, но и в качестве средства развития мышления и в качестве средства воспитания. **В.Ш**

